

Елена Версэ

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ
Том 1. Сокол и
КОБРА

18+

Арсанна

Елена Версэ

Черный Принц Том
1. Сокол и Кобра

«Автор»

2026

Версэ Е.

Черный Принц Том 1. Сокол и Кобра / Е. Версэ — «Автор»,
2026 — (Арсанна)

Он - монарх враждебной ей страны, который никогда не слышал о Фениксе и даже не подозревал об ее существовании. Но он узнает. Она - агент тайной организации, которая испокон веков вела охоту на представителей его древнего рода и до сих пор жаждет добраться до самого могущественного человека в Арсанне. Они из разных стран, из разных миров, их разделяют расстояния и сословная пропасть, но разве это может помешать Судьбе соединить их? И, когда это случится, мир уже не будет прежним. Все начнется с танца в темноте...

© Версэ Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глав	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Версэ

Черный Принц Том 1. Сокол и Кобра

Пролог

Черный Принц

роман

ТОМ I. Сокол и Кобра

Посвящаю моим друзьям детства: Антону, Насте, Наташе и Юле.
И еще одному человеку, без которого эта книга никогда бы не родилась.
Когда-то я считала вас всей моей жизнью. Разумеется, я ошибалась. Время разрушает все. Кроме моей памяти о вас, которая ему никогда не была и не будет подвластна.

Люди делают добро часто лишь для того,
чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло.

Самое большое зло, какое может сделать нам враг, это приучить наше сердце к ненависти.
Франсуа де Ларошфуко

Нет ничего опасней для новой истины, как старое заблуждение.
И.Ф. Гете

*Ветер ли гонит засохшие листья,
Память зовет ли, душа ли жива.
Капли воды и кровавые брызги.
Мы не узнаем уже никогда.*

*Дальние всполохи мнимой свободы
Камень в песок вымывает вода –
Так раздробляется вечность о годы.
На горизонте мерцает гроза.*

*Пусть это все – нам последний подарок.
Там, где мы были, теперь ни следа.
Пусть наш последний вздох долог и сладок.
Кровь на камнях давно смыла вода.*

*Ветер ли гонит засохшие листья,
Память зовет ли, душа ли жива –
Жар потухает рябиновой кисти,
Вечность проснулась от зимнего сна...*

Пролог

Танец в темноте

– А, – сказал Бюсси, – я ошибся: это не поединок, это убийство... Но подумайте вот о чем, сударь: все это не придется по душе герцогу Анжуйскому.

– Он-то меня и прислал, – ответил Монсоро.

А. Дюма, «Графиня де Монсоро»

На границе Ардании и Селестинии¹.

6 имреса 1127 г. по н.л. V Илиона²

Молния рассекла небо на две неравные части, и спустя секунду оглушительный громовой раскат, прокатившись в недостижимой тишине, сотряс молчаливый лес.

Неясные силуэты мелькали между деревьями. Двое человек в масках бежали, спотыкаясь и падая, цепляясь краями одежды за ветки кустарников и низкорослого молодняка. Шпаги всякий раз неудобно били по ногам, а когтистые ветви грозили оборвать ремни ножен. Ноги беглецов переставали их слушаться. Они уже давно свернули с основной дороги, назад пути не было, а впереди отвесной стеной вставала одна лишь непроглядная лесная глушь и ничего кроме.

Будь Вэрт жив, он бы знал, что делать... Он всегда знал. Но Поль Самуэль слишком долго защищал того, кто этого не заслуживал, подчас ходя по краю и подвергая опасности свою собственную жизнь. А теперь наставника не было в живых, и приходилось решать все самим.

Человек в маске, бегущий вторым, падал все чаще и чаще, и после каждого нового падения ему все труднее было подниматься на ноги. Однако сколь бы упорно второй ни продолжал бежать и пытаться не отстать от первого, рана неумолимо отбирала последние силы. Оба понимали, что их цель – это самое важное, и поэтому выживший должен будет завершить то, что не удастся тому, кто останется в этом лесу навсегда.

Сумерки пытались прикинуться вороним зверем или огромной птицей, застилающей своими крылами грозное небо. Темнело и вправду стремительно, но сказать, который сейчас час, из них двоих вряд ли бы кто решился – изнурительная погоня, гроза и усталость все спутали в голове. И казалось, что они бежали уже целую вечность...

Преодолев, подавляя в себе жгучее желание упасть и больше не вставать, за своим напарником еще порядка ста ун³, второй издал приглушенный стон и, не удержавшись на ногах, осел на землю, задыхаясь. Хрип, вырывавшийся из его груди, красноречиво говорил о том, насколько он плох. Бежавший впереди обернулся на звук и, увидев упавшего соратника, вернулся назад.

Раненый, закрыв глаза и судорожно сжимая рукой предплечье, из которого, не переставая, струилась кровь, прижался затылком к размякшей от дождя бурой земле. Вся правая рука нервно подергивалась – видимо, от перенапряжения и сильной потери крови, но это было еще не самое худшее. Помимо руки пуля попала и в грудь. Плохо дело!

Несколько секунд второй пролежал вот так, не помня себя и то, как попал сюда, до тех пор, пока не увидел перед собой носки чьих-то сапог и не услышал спокойный, но жесткий голос:

– У нас нет времени для передышки.

Для передышки? Если бы! Вот только что-то подсказывало, что полученная рана обещала не просто отдых. Она сулила покой, причем вечный.

Лежащий бросил беспомощный, лишенный всякой надежды взгляд вверх. Феникс был старшим в их паре, а старшим следовало подчиняться. Безоговорочно. Феникс не позволит раненому остаться здесь и спокойно дожидаться своей смерти. Феникс вздернет за шкуру и вынудит встать, заставит идти, даже тогда, когда это практически невозможно. Им с напарни-

ком нужно было разделить, когда их заметили. Досадно! Провести свои последние часы в безмолвной тишине ночи, прощаясь с оставляющей его жизнью, было бы... заманчиво.

– Я не буду повторять дважды, Кхиан, – в тихом голосе старшего прорезалась сталь. – Вставай!

Лежавший прохрипел, сглатывая горечь, все явственнее чувствовавшуюся во рту:

– Не могу! – и сильнее прижал руку к ране. Сквозь пальцы настойчиво змеились красные струйки, стекая вниз по ладони и пропадая в размякшей грязи. – Феникс, прошу, оставь меня. Вдвоем нам от них не уйти. Мне конец, а у тебя есть шанс. Воспользуйся им!

– Ты же не хочешь получить от меня пулю прямо сейчас, верно? А если *его* люди найдут тебя?

С полузакрытыми от боли глазами раненый протянул свой пистолет напарнику.

– Тогда сделай это! Прошу тебя. Освободи меня.

– Глупости! – безапелляционным тоном произнес Феникс, зеленые глаза которого блеснули в темноте. – Ты сможешь... – И наклонился, чтобы поднять товарища, однако попытка не увенчалась успехом: кровь только сильнее хлынула из раны на груди, Кхиан мучительно вскрикнул, и старший из товарищей почувствовал, как им начинает овладевать отчаяние. Раненый отстранился и тихо, словно оправдываясь, добавил:

– Говорю же тебе: брось меня и уходи. У нас нет выхода. Так нужно.

Так нужно... Да. Легче всего было бы прикончить тебя, не раздумывая, и тем самым избавиться от обузы. Любой здравомыслящий лигист так бы и поступил. А что прикажешь делать мне? Оставить умирать на радость небесным⁴? Но даже если случится чудо и ты не погибнешь сегодня, даже если селестийцы успеют подобрать и выводить тебя, взамен ты расскажешь им все наши тайны добровольно или умрешь под пытками в их застенках. Так к чему продлевать агонию? Инфидель⁵ побери!

В голове мелькнула безумная мысль, но, один раз появившись, она прочно обосновалась на задворках сознания, и выкинуть ее оттуда уже не получалось.

– Умереть ты всегда успеешь, и, будем надеяться, произойдет это не сегодня... – Феникс склонился над соратником и едва заметно улыбнулся, перекидывая здоровую руку Кхиан себе через шею.

– Что ты делаешь? – запротестовал тот. – Так нельзя! По Уставу...

– К Страннику устав! Мы либо выберемся, либо погибнем. Но вместе.

– Это безумие... Консадор убьет нас!

– Если мы выживем – возможно. А если нет, то и волноваться не о чем.

– Но мы... мы должны выполнить приказ! И мы не можем рисковать всей операцией из-за одного ее участника! А я тебе уже не помощник. Да и как ты собираешься?.. – только и успел сказать Кхиан, как Феникс со словами:

– Придется постараться... – сильнее сжал здоровую руку напарника и принял весь его вес на себя.

В Лиге за такое их по головке точно не поглядят. Само собой, если они выживут.

Тащить Кхиан на себе, разумеется, было полнейшим бредом и самоубийством. Оседающий мешком раненый катастрофически замедлял их продвижение и сводил все шансы на спасение (если таковые и были) к нулю. Вне всяких сомнений, спустить курок оказалось бы во сто крат проще, разумнее и быстрее – в создавшейся ситуации никто бы не обвинил Феникса в превышении служебных полномочий, да и за язык его не тянули, а свои обещания нужно выполнять. И старший с каким-то звериным упрямством волок на себе истекающего кровью товарища. Или после этой чудовищной ночи уже друга?

Однако, как это часто бывает, вскоре лигист очень сильно пожалел о своей доброте: рука напарника тянула на себя, шея немилосердно ныла, а ноги раненого почти безвольно волочились по земле. Старший уже еле-еле переставлял свои собственные, увязая сапогами в хлюпа-

ющей грязи, словно в зыбучих песках, но при этом он старался постоянно напоминать себе, что его напарнику было намного труднее, чем ему. И все же Феникс явно недооценил свои возможности. А лес вокруг беглецов продолжал тянуться на несколько илер⁶ вокруг, и впереди их ожидала, мягко говоря, не самая легкая ночь. Он никогда не относил себя к тем людям, которые быстро теряют надежду и опускают руки в случае опасности. Однако в то же время серпентам не свойственно было недооценивать ситуацию, надеясь на помощь извне, и успокаивать себя в такие моменты, когда в этом не было ровным счетом никакого смысла. Каким образом и когда они выберутся из этого проклятого леса? И что их ждет за его пределами? Как снова не наткнуться на патруль и добраться до ближайшей деревни, чтобы попросить там помощи? В чужой стране? С тяжело раненым на руках? И уж если быть с собой честным до конца, то с раненым смертельно. Дотянет ли Кхиан до ближайшего селения? Если да, то оставить там и попробовать добраться до границы, а потом...

Что было бы после этого «потом», Феникс не загадывал. Не было смысла. Что-то подсказывало ему, что живыми им из этого леса уйти не дадут. Все закончится здесь. Или начнется? Некоторые из товарищей лигиста верили, что смерть – это лишь переход в Вечность. Наверное, для тех, кто ходил с ней плечом к плечу каждый день, думать *так* было легче, и *так* было легче жить. А вот во что верил сам Феникс? Он не знал, не задумывался. Уклоняясь от очередной пули, человек в первую очередь хватается за жизнь, а не за Вечность, и времени, чтобы поразмыслить о высоком, не остается.

Пот буквально тек по спине ручьем, и Феникс задышался, проклиная про себя все на свете. Они прошли (или вернее будет сказать – проползли) где-то с керну⁷-полторы, когда старший заметил, что ему стало еще тяжелее, чем было до этого: Кхиан совершенно поник головой, повиснув на плече товарища, и тут Феникс понял, что его друг окончательно потерял сознание. И если раньше Кхиан хотя бы пытался самостоятельно идти, то теперь волочить его на себе становилось фактически невозможно.

Может, это и к лучшему. Сил идти и так уже не оставалось, пришлось опустить раненого на землю у корней широченного векового дуба, корни которого то тут, то там виднелись из-под земли. Ночевать им предстояло тут.

Феникс как мог аккуратно прислонил друга к стволу, снял с себя плащ и сделал из его обрывка повязку для Кхиан. Потом свернул то, что осталось от плаща, и подстелил под голову раненому. И только когда Феникс сам прислонился спиной к могучему дереву спиной, прижимая ножны со шпагой поближе к себе, он позволил себе почувствовать, как смертельно устал. Если так пойдет и дальше, драться он окажется просто не в состоянии, и их обоих схватят безо всякого сопротивления. Оставалось надеяться на то, что селестийцы прервали погоню и возобновят поиски только с рассветом, но, говорят, что надежда – глупое чувство.

Кора дерева недружелюбно царапала спину. Слиться бы воедино со старым дубом и стать невидимыми для всего мира, ополчившегося в эту безумную ночь против них!

«Отстали, – тем временем пытаюсь занять голову хоть какими-то мыслями, размышлял Феникс. – Неужели отстали?» Соваться в такой бурелом на лошадях, да еще и ночью – верный шанс переломать коням ноги. Безусловно, пешим пробираться сквозь непролазный лесной валежник, на первый взгляд, казалось сподручней, но это только на первый взгляд. Нет, так легко их не выпустят. Это *егоземли* и *еголюди*, а значит – пошады не жди. И предчувствие плохого исхода преследовало лигиста.

Дождь все не кончался, напротив, он изливался с сошедших с ума чернильных небес без остановки, и даже раскидистые ветви дуба не спасали от него.

И тут впервые за эту ночь старший из напарников ощутил озноб и пробегающую по коже дрожь. Мокрые каштановые волосы, забранные узкой черной лентой в хвост, разбросались по спине, насквозь промокшая рубашка прилипла к телу. В голове что-то сильно стучало, а сердце било в грудь, будто хотело вырваться из нее, как из клетки, наружу – к свободе. Какая-

то незнакомая боль появилась в теле – не от усталости или голода. Феникс провел рукой по левому боку – на ладони осталась нечеткая красная полоса. Растерев ее, он оторвал от плаща еще кусок ткани и зажал им ссадину. В спешке лигист даже не обратил внимания, когда пуля успела зацепить его, так быстро все произошло.

Феникс вскинул голову к небу. Зеленые глаза коротко блеснули во тьме. Увидеть бы в последний раз звезды! Жаль, не в эту ночь. Дождь начался давно и лил, не прекращая, все время. Капли катились по лицу и шее, а губы жадно хватали влажный, разряженный грозой и пропитанный ею воздух. Он еще надеялся, что тьма укроет их от отряда преследователей, но все ощутимее чувствовал тяжесть, с которой бесполезно было бороться, по всему телу. Наступающая по пятам и накрывающая своим саваном темнота обещала защиту и пристанище, где можно было переждать травлю. Глаза устало глядели в вороненую мглу, а уши чутко, как у зверя, прислушивались к звукам. Прохлада полуночи забиралась под насквозь вымокшую одежду, но надо было затаиться и ждать. Сон уже чуть заметно начинал подкрадываться к вконец измотанному телу и сознанию, но Феникс, сделав над собой усилие в борьбе с нестерпимым желанием закрыть глаза, привстал и выдернул шпагу из ножен. На всякий случай. Холод стальной рукояти сверкнул серебристым росчерком, на миг возвращая обманчивое чувство уверенности.

Сколько раз ему случалось попадать в передряги, подобные этой? Кое-как коротать ночь, а наутро возвращаться, чтобы сообщить об успешном выполнении задания. Но сегодня все с самого начала пошло наперекосяк: небесные как будто знали, где они проедут, и ждали их. Хорошо, что Авро и Каро поехали другими дорогами. Не нарвались ли и они на погоню? Оставалось надеяться, что товарищам удача улыбнется шире, чем им с Кхиан. Фениксу хотелось верить, что он сумел увести за собой если не всех преследователей, то хотя бы большую их часть, но полностью уверенным в этом он быть не мог.

Затаить дыхание и прислушаться. Никого. Пустота. Будто они одни не только в этой непролазной чаще, но и во всем мире. Будто они на границе этих самых миров.

«Уж лучше так. Ведь это лучше, чем плен, – предательски уговаривал кто-то внутри, и ему вторил другой голос: – Упустили! Неужели упустили?»

В тщетной попытке противостоять лезущим в голову мыслям Феникс бросил взгляд на находящегося в беспамятстве друга, поправил сложенный валиком плащ под его головой и приложил два пальца к артерии на шее напарника. Пульс прощупывался, но очень и очень слабый. Старший склонился над Кхиан, прислушиваясь к прерывистому дыханию. И – о чудо! – раненый открыл глаза и слабо прошептал:

– Это все из-за меня...

– О чем ты? – переспросил Феникс, машинально поправляя маску на лице.

– Ловушка. Наш маршрут... они узнали от меня.

– Что за чушь? – возмутился старший. – Ты бредишь! Лежи спокойно, береги силы.

– Нет... – мотнул головой Кхиан. Глаза хоть и застилала поволока, но смотрели они осознанно и прямо. – Им известно, где пройдут Каро с Аури. Известно все... Прости! Из Лиги невозможно убежать, а мне так хотелось... вырваться. Небесные предложили сделку – селестийское подданство, свободу и жизнь в обмен на...

– Предательство, – сузились зеленые глаза.

– Да...

Ах вот, значит, как? Получается, они стреляли в своего же шпиона? Собирались избавиться от ставшего ненужным осведомителя, чтобы не выполнять условия договоренности? Или хотели попасть в другого, но промазали, не рассчитав в суматохе? Неважно.

– Они обещали мне защиту.

И теперь ты лежишь в стылой грязи посреди леса с пробитым легким... Селестийцам нельзя верить, какие бы клятвенные обещания они ни давали. Верить нельзя никому.

– Прошу, не дожидайся утра, пристрели здесь. Сейчас. Мне все равно недолго осталось. Феникс поднялся на ноги и выругался. Рука сама собой потянулась к пистолету. Предателей в Лиге не жаловали. С предателями у Лиги всегда был разговор короткий. А уж если измена влекла за собой гибель других агентов, то доносчику лучше было в руки кобр не попадать. Авро и Каро могут быть уже мертвы из-за этого, из-за этой...

Взвевая курок, Феникс уверенно направил дуло пистолета в грудь бывшего напарника.

– Стреляй! Ты знаешь, что со мной сделают в Лиге, если ты не убьешь меня... Я не хочу.

– Знаю. – Выстрел в тишине разнесется керны на три вокруг, а то и на все пять, и, без сомнений, привлечет внимание, а терять с таким трудом приобретенную фору нельзя. Но после признания напарника руки Феникса были развязаны: Кхиан навряд ли доживет до утра, а с умирающего какой спрос? Даже если отыщут, риск минимален. А ему следует торопиться. Стоя здесь, он только теряет драгоценное время.

– Если ты выживешь, небесные позаботятся о тебе, а если нет... Страж тебе судья.

Старший из лигистов заправил за пояс пистолет, развернулся, но успел сделать лишь несколько шагов в сторону, когда Кхиан еле слышно выдохнул:

– Поздно...

Медленно, не создавая шороха, Феникс оглянулся. Мрачные стволы деревьев, чередуясь, в угрюмом хороводе смотрели на него. Где-то ввысь взлетела большая черная птица, оглашая пронзительным, рвущим душу криком округу. И тут что-то шелохнулось во тьме, тень скользнула между деревьев. Еще, еще и еще... В мгновение ока двое оказались окружены отрядом в полтора десятка человек. Вот и развязка!

Но как они сумели приблизиться так бесшумно? Кобры славились своей выучкой, однако селестийские пограничники оказались быстрее, умнее и осторожнее. Если, конечно, это были именно они. Да, в эту ночь, похоже, все было против серпента. И, пожалуй, впервые за сегодняшний день Феникс почувствовал, что выхода нет, и он не знает, что делать. Сдаться в плен означало долгую и мучительную смерть, а бежать было уже некуда – все пути отхода отрезаны. Броситься на вражеский клинок или под пулю, закрывая соратника, или сделать вид, что сдаешься, и напасть?

Не спеша, переступая с ноги на ногу, Феникс начал готовиться к обороне, ища лучшее место для прикрытия и машинально проверяя наличие кинжалов за спиной. Старший покоился на потерявшего сознание напарника, безвольно откинувшего голову набок. Если б только он был здоров! Помощь Фениксу сейчас бы не помешала. Хотя какая помощь от того, кто предал? Разве что удар в спину.

Круг из темных силуэтов сжимался, как тиски. Обнаженные шпаги подстать ошетинившемуся зверю подстерегали свою жертву и ждали лишь одного – его ошибки. Враги подошли почти вплотную, и Фениксу начало казаться, что его обступило целое войско, но это был лишь обман зрения, вызванный усталостью, непогодой и темным временем суток. Старший из кобр подозревал, за чем охотились небесные, но просить селестийцы не станут, а он ничего не отдаст. Тем более если учесть, что документ был вовремя передан двум другим напарникам.

«Как же их много...» – мелькнула отстраненная, как будто чья-то чужая мысль. – *И полдюжины бы хватило.* Что ж, тем хуже для них!»

Неожиданно шпага одного из небесных взрезала воздух, но, вовремя отреагировав, Феникс отбил выпад, в последний момент заметив нашивки из чешуек на предплечье камзола своего соперника. Странник, а вот это уже серьезно! Засаду устроили не простые пограничники, это были скаглийцы⁸!

Пятнадцать клинков мутно поблескивали в темноте. Убийцы медленно расходились в стороны, рассредотачиваясь и беря свою жертву в круг. Вот двое из них по негласной команде отделились от остальных и выступили вперед. Свистнув шпагой в воздухе и одновременно ускоряя шаг, один из чешуйчатых пошел в атаку на Феникса, а потом и второй присоединился к

поединку. Разумеется, если схватку пятнадцати человек против одного можно назвать поединком.

Движение в сторону и немного вбок, уклон и выпад! Разворот и колющий удар. Мимо. Еще выпад, снизу и...

Есть, первый! Хорошее начало!

Склонный к полноте среднего роста мужчина падает, неловко подогнув ноги, перед Фениксом с рваной раной в груди.

Снова атака и ложный выпад. Второй оказывается проворнее своего товарища, но все равно он не настолько хорош, чтобы пережить эту ночь. Резкий бросок и снова удар.

Готов! А это не так уж и сложно...Но ночь длинная, а очередь еще длиннее, надо, чтобы сил хватило на всех. Надо, но хватит ли?

Феникс был слишком увлечен схваткой, чтобы заметить, как во мраке блеснула стволом аркебуза, и это едва не стоило ему жизни. Прогремел выстрел. Осечка, так и есть! Кора дуба затрещала где-то слева над головой и щепками посыпалась наземь.

– Не стрелять! – резкий окрик.

Не стрелять? Это что-то новенькое! Интересно, почему? Что за игру вы со мной затеяли, господа селестийцы? Хотите взять живьем?

И тут же ответ, разъясняющий все:

– Приказ Его Величества!

А, даже так! Сокол хочет заполучить живую кобру? Ну тогда, раз уж у меня есть такое преимущество, то упускать его было бы попросту глупо!

Феникс с быстротой молнии выхватывает заряженный пистолет. Ответный выстрел. Пуля попадает в чей-то клинок и, срикошетив, отскакивает.

Проклятье! Не сразу, ну ничего, достанем... Легкой добычи вам сегодня не видать, господа! Ну что же вы встали? Вперед! Страннику не по душе трусы.

Что ж, никто из них не отступит от своего: его будут убивать, он будет защищаться. Он не сложит оружия и не сдастся, Феникс будет драться и надеяться, пока его не оставят последние силы. И так до самого конца. Подумаешь! Ему не привыкать. Да и умирать было, по меньшей мере, обидно: селестийцам приказали доставить лазутчика живым, а так как добровольно складывать оружие шпион не собирался, это заметно усложняло скаглийцам их задачу – остаться в живых самим и выполнить отданный начальством приказ. Главное опасение состояло в том, как бы его не ударили в спину, которую некому прикрыть, но вскоре лигиец понял, что этого не произойдет – его просто возьмут измором. И вот тогда нанесут заветный удар.

В то время как голову занимали эти мысли, шпага кобры встречалась с двумя, а то и с тремя клинками одновременно. Происходило самое страшное – то, чего больше всего и опасался Феникс: он начинал медленно терять силы, а противники не торопились лезть на рожон, выжидая. У них в запасе была целая ночь, у него – короткий миг. Мгновение.

Звон металла о металл не утихает, а лица соперников на мгновение размываются, превращаясь в свору оголодавших волков, только лязгающих не зубами, а сталью. И скалится, обнажая клыки и предвкушая скорую поживу, полночь. Из нее не уйти, не вырваться, не убежать... Они все станут ее добычей.

Наконец, яростное столкновение, длившееся без перерыва несколько минут, прервалось: соперник серпенты – мужчина лет сорока в потертом коричневом камзоле, полы которого были забрызганы придорожной грязью, отбросил его с раненой правой рукой. В ту же минуту показалась кровь, алое начало быстро ползти вниз по рукаву, сочась из предплечья.

Дьявол! Но ничего еще не кончено... Ничего! Чему вы радуетесь, посланники Пилигрима? Большая часть из вас уже никогда не вернется к тому, кто вас послал, а отправится напрямую к Страннику. И я, что уж тут скрывать, скорее всего, тоже...

Рубашка, промокая от дождя, постепенно окрашивалась в ярко красный цвет. Лево́й рукой Феникс фехтовал не так хорошо, как правой, но он рискнул.

Невдалеке валялась огромная – человеку по пояс – коряга-выворотень, за которую можно было спрятаться в случае, если в него все же начнут стрелять. Лигист, шагнув вперед, ударил оказавшегося ближе всех к нему скаглийца наотмашь, почти не глядя. Второго оттолкнул ногой, третьего – по лицу. Кровь брызжет, как черноплодный сок. И – бросок – к спасению! Вот он в относительном укрытии. Перевести, восстановить дыхание. Их много, а ночь длинная... Быстрый, с расчетом, взгляд туда, назад: кто-то, воспользовавшись отсутствием кобры, подкрадывается к раненому.

Нет, дружок! Не сегодня.

Второй пистолет! Селестиец не успевает отскочить, и пуля Феникса попадает точно в цель, прошивая тому череп. И все было бы хорошо, если бы не...

Инфидель, нет... Только не это!

То, что происходит в следующее мгновение, заставляет серпенту сжать от ярости кулаки: пришедший в себя Кхиан пытается привстать и дотянуться до пистолета. И, все-таки успев сделать один удачный выстрел, тут же падает, пригвожденный к земле тремя шпагами сразу.

Проклятье, как глупо! Если бы не твое предательство, могли бы мы стать друзьями? Кто знает. Возможно, в другой жизни и не при таких обстоятельствах. Настоящие имена они друг другу не называли, а теперь в этом уже нет смысла. Да и не важно оно, это имя, ничего не важно, кроме жизни...

Смертники, еще не подозревающие об этом, радуются своей мимолетной победе, но за подло пролитую кровь надо мстить, и он отомстит!

«А кто оплатит за мою смерть? – пришла в голову непрощенная мысль. – Полезли опять... Вам мало?»

Бросить ставший бесполезным пистолет в лицо, сбить с толку. Одним из первых ударов рассечь чью-то руку, потом – чью-то голову, а после – грудь. Смерть танцует между деревьев, и шпага Феникса обрубаёт чужую кисть, расплосовывает щеку. ***Искаженные от невыносимой боли и ярости лица. Еще выпад, наискосок. Кто там? Не важно! Важна лишь жизнь, которая скоро закончится, но надо устоять на ногах, пока они держат. Надо дотанцевать...***

Ты следующий? Ну что ж...

Закрыться им же от выпада, в шею другому, отпустить... За спину третьему, и – по горлу. Быстро. Сразу. Наверняка. Острие с необыкновенной легкостью входит в шею, как в топленое масло. Мерзко прыскает струя крови. За спиной мертвого скаглийца удачно оказывается пистолет. Заряжен? Выстрел! Отправляйся к Страннику!

Остановка. На ладонь с лезвия стекает что-то теплое и липкое.

Почему так больно? Задели-таки? Небытие!

Враги с животным любопытством смотрят на своего одинокого противника, думают, что сломали, сломали... Из разорванной ткани не спеша течет кровь. Бок. Колотая рана. Одна, но такая, что стоит дюжины...

Движением, подобным блеску молнии, пронесится кинжал – и еще один враг на земле. Тот небесный, что ранил Феникса, падает, схватившись за грудь. Удар лигиец нанес четко – насмерть. В бою не место полумере.

Кажется, он. Хотя разницы нет, уже нет... ничего. Не волнуйся, селестиец, свое дело ты сделал – я тоже скоро последую за тобой. Очень скоро!

Итак, в живых осталось восьмеро, но и этого достаточно. Семерых он уложил. Из остальных – трое ранены серьезно, двое по мелочи, но остальные невредимы... Чего же они ждут? Почему не добивают? Ведь мертвых обыскивать легче... Приказ взять живым? Глупый приказ! Положить больше полудюжины своих и ради чего?

Быстро и тяжело дыша, Феникс переминается с ноги на ногу, оценивая свои возможности: рана в руку, царапина на левом боку и главное – то, что отнимает последние силы, а вскоре отнимет и жизнь.

Не столбенеть и не останавливаться! Держи дыхание, дыши ровнее. Иди. Это как танец, шаг вправо, поклон, поворот...

И клинок снова танцует со смертью, потому что клинок и есть смерть. Налево, направо, без оглядки... Распоротые руки, ноги, тела: из его противников едва остается треть, но кровь не перестает литься, унося с собой надежду на спасение, которое маячит уже так близко, – его можно коснуться рукой.

Не смей замирать, иначе... Ему чудится или они и вправду расступаются? Они боятся? Его, такого?

Вокруг смуглые темноволосые лица и флаги с серпами, их так много, что не сосчитать... Ветер играет с каждым, треплет, закручивает полотнища вокруг древков, а ноги увязают в песке по самую лодыжку... В песке? Они же посреди леса! Феникс оскальчивается на залитой кровью и скользкой после дождя земле. Руки опускаются во что-то вязкое.

Земля мокрая, листья не успели опасть, не легли шуршащим ковром. С этой осенью уходит что-то, что-то важное... Твой конец для других станет началом. Все так сложно и так просто.

К нему кто-то пытается приблизиться – он не видит, кто, лишь ощущает это. Феникс подхватывает с земли шпагу, которую он даже не заметил, как выронил, и бросается вперед. И оружие послушно впивается, рассекает кожу, калечит все, что встречается на его пути, монотонно звеня о чужие шпаги.

Последнее предпринятое нападение отнимает у кобры остаток сил. Тело все тяжелеет и тяжелеет. Плающая боль, как от раскаленного железа, наполняет его. Пелена заволакивает глаза. Это никогда не кончится. Никогда. Признайся же себе: еще немного и тебе конец!

Конец? Неужели конец? Но почему? Неужели, пройдя через это чистилище, я умру? Так много не сделано, не сказано. А мои друзья? Где они? Хотя это и к лучшему, что все завершилось вот так.

Они не увидят друга таким, истекающим кровью и обессиленным. Не узнают, как кто-нибудь из оставшихся в живых солдат подойдет ближе, задерет ему голову и пройдет своим клинком по горлу, добивая теплящуюся жизнь. Они не увидят этого, нет. Быть может, они все-таки сумели уйти, остались живы, выполнили задание. Иначе не могло, не должно было быть! А он сделал все, что смог.

Ему не хотелось умирать, когда врагов оставалось так мало... Но Феникс уже почти ничего не видел перед собой, а боль тянула куда-то прочь, не спрашивая, чего хотел он сам, на что был способен, во имя чего жил и дышал.

Как страшно! Не потому, что рана смертельна, а потому что страшно танцевать в темноте. И ветер с запада... Дурной знак или просто совпадение? Оръен⁹ всегда приходит за мертвыми. Их сегодня будет много. Но почему земля уже не бурая, а ярко-красная? Зачем посреди леса стелить алый шелк?

Раненых оттаскивают в сторону, они истекают кровью. У кого-то пробита шея, у кого-то грудь. Не жильцы. А вокруг лежат тела, много тел. И это все он? Он один это сделал? Все-таки смерть – омерзительная штука...

Феникс поводит перед собой невидящим взором, смотрит себе под ноги.

Шипение... Откуда? Змеи в ногах... Клубок змей, земля ими просто кишит...

Воин в маске в последний раз покачнулся и рухнул в траву, орошенную дождем, лившимся всю ночь, и кровью людей, еще недавно ходивших по ней.

* * *

– Помогите раненым, – не дрогнувшим голосом распорядился начальник пограничников.

– Капитан, – сдавленно произнес один из его подчиненных. – Ваш сын...

– Мы заберем его, – перебил его мужчина, дернув недобритой щекой. – Перевяжите и пошлите за помощью в ближайшую деревню!

Рана у парня серьезная и крови много, но шанс еще есть. Ну и ночка им выдалась! Если б не эти, из столицы, и не их приказ, можно было бы застрелить негодяя, не дожидаясь, пока арданец, будь он проклят, положит девятерых...

– Капитан, подойдите!

Утирая пот, командир обернулся на зов, стряхивая кровь с клинка и вытирая оружие о широкий лист лопуха.

– Ну что там еще? – огрызается старший. – Только не говорите, что мерзавец уже успел испустить дух и мы зря старались!

– Странник побери, этого не может быть! – сипит один из его офицеров.

– Ты когда-нибудь видел такое? – подхватывает другой.

– Да что там за...?! – Уже немолодой сухопарый мужчина в синей форме подходит к своим подчиненным и смотрит туда, куда указывает рука сержанта. Капитан замирает.

Зажженные факелы высвечивают лицо: человек, убивший сегодня его лучших людей, лежит на земле. Вся его одежда пропитана кровью, темные волосы, заплетенные в черный тонкий бант, распустились. Он молод, как же дьявольски он молод! Совсем мальчишка. Но погодите-ка...

Капитан сдергивает с мертвеца черную маску.

– Странник, это же...

– Женщина! – изумленно восклицает кто-то позади.

Notes

[

←1

]

Ардания и Селестиния – два крупнейших государства в Арсанне, находящиеся на пороге войны.

[

←2

]

В арсанском году 10 месяцев, каждый по 5 недель. В неделе 10 дней. Весенние месяцы: нарр, итрил, лаим; летние: уин, иллет, ассар; осенние: имрес, собьир; зимние: анкон, вриер. Новый год начинается в первый день весны, т.е. 1 нарра.

Эпохи в Арсанне исчисляются по 1000 лет и обычно именуются Илионами, которые в свою очередь делятся на века (айоны). При этом смена Илионов называется Рубежом, переломным временем, которое сопровождается войнами, смутами и природными катаклизмами. В древности бытовало поверье, что на Рубежах боги карают своих наместников за преступления против собственной крови и нарушение данных клятв, однако позднее это верование было утрачено и забыто.

[

←3

]

Уна – мера длины, приблизительно равная 1 метру.

[

←4

] Небесными также называют селестийцев, а саму Селестинию – Небесной.

[

←5

]

Инфидель – прозвище повелителя Царства Теней (аналога земного ада) и злого духа, по преданиям странствующего в Арсанне. Также его называют Пилигрим, Путник, (Черный) Странник, Дьявол, Повелитель (Принц, Владыка) Теней, Вестник Зла, (Последний) Страж.

[

←6

]

Илера – единица площади, примерно равная 1 гектару.

[

←7

]

Керна – мера длины, равная 1000 ун.

[

←8

]

Скаглия (также Тайная канцелярия или Тайный сыск) – орган политического надзора и сыска в Селестинии (от сел. scaglio – чешуя). Своим вторым названием Тайная канцелярия обязана ящерам, которые в народе считаются самыми живучими существами наряду со змеями, потому как ареол их обитания достаточно широк, они проникают везде и хорошо приспособиваться к любым условиям. Чешуйчатые – презрительное название сотрудников Тайной канцелярии в народе. Носят соответствующие нашивки в виде чешуек на правом рукаве.

[

←9

]

Орьен – западный ветер.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.